

УДК 316:616.89-008.441.44**© Юрий Бубнов**

*заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного университета
пищевых и химических технологий,
доктор социологических наук, профессор*

© Yury Bubnov

*Head of the Humanitarian Disciplines dept.
of the Belarusian State University of Food
and Chemical Technology,
Doctor of sociological Sciences, Professor
e-mail: bubnov1@bgtu.by*

СУИЦИДАЛЬНЫЙ СИНДРОМ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ИХ ВРЕДНЫХ ПРИВЫЧЕК*

На основе проведенного нами в 2021 году социологического опроса 1634 представителей учащейся молодежи Беларуси были определены зависимости между вербальными проявлениями суицидального синдрома у юношей и девушек, обучающихся в учреждениях образования различного уровня и статуса, с одной стороны, и их вредными привычками — с другой. Определена корреляция между удельным весом носителей суицидального синдрома (респондентов, у которых возникали мысли о самоубийстве) и психологическим самочувствием молодых людей в различных социальных средах.

Одним из самых острых проявлений психологических проблем личности выступает склонность человека к добровольному уходу из жизни. Эту склонность, выраженную в вербальной готовности к суициду, мы будем именовать суицидальным синдромом. К счастью, далеко не все носители суицидального синдрома готовы на деле осуществить свои самоубийственно ориентированные мысли и слова, однако само наличие суицидального синдрома у подростка или молодого человека должно

* Эмпирической основой статьи стали результаты анкетного опроса 1634 студентов учреждений высшего образования, старшеклассников и учащихся профессиональных колледжей и техникумов, проживающих в Минске, Могилеве, Гродно, Бресте, Витебске, Жодино и Бобруйске. Опрос был осуществлен силами сотрудников кафедры гуманитарных дисциплин Белорусского государственного университета пищевых и химических технологий в 2021 году в рамках выполнения задания Министерства образования Республики Беларусь «Разработка научно обоснованной концептуальной модели противодействия зависимому поведению подростков и студенческой молодежи», рег. № НИОКТР 20211977.

насторожить как родителей, так и педагогов. Конечно, для организаторов учебного процесса всех уровней различные проявления суицидального синдрома не могут не быть серьезным поводом для срочных действий. А исследователи должны определить корреляты и причины появления суицидального синдрома, с тем чтобы организационно-управленческие решения были максимально эффективны.

Суицидальная проблематика привлекает нас довольно давно [1–5]. В данной статье мы постараемся только обозначить (поскольку это не специализированное исследование по суициду) некоторые сюжеты, связанные с суицидальной проблематикой, заострив внимание на взаимосвязи между суицидальными проявлениями подростков и их склонностью к вредным привычкам. Для начала определим, опираясь на результаты нашего социологического опроса, сколько среди учащейся белорусской молодежи носителей суицидального синдрома. Представим эти данные в гендерном разрезе на рисунке 1.

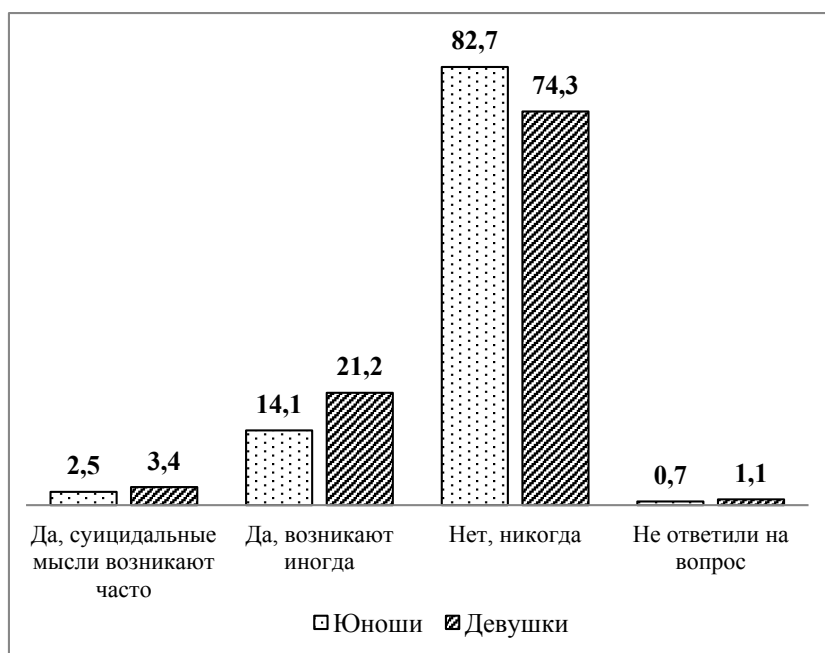

Рисунок 1 — Распределение ответов юношей и девушек на вопрос анонимной анкеты: «Возникали ли у Вас суицидальные мысли из-за проблем в личной жизни?», %

Так, в ходе анонимного анкетирования мы выяснили, что носителями суицидального синдрома является каждый шестой (16,6 %) юноша и почти каждая четвертая (24,6 %) девушка. Причем в анкетах 2,5 % юношей и 3,4 % девушек зафиксирован высокий уровень влечения к самоубийству. Если кому-то из читателей этого текста приведенные выше цифры покажутся незначительными, переведу их из относительного формата в абсолютный. В среднем по всей выборке опрошенных нами представителей учащейся молодежи выявлено 3 носителя тяжелой формы суицидального синдрома из каждой сотни респондентов. Наличие тяжелой формы суицидального синдрома означает высокую вероятность совершения реального самоубийства. В отчетах Белорусского статистического комитета указано, что в 2018/2019 учебном году в средних общеобразовательных школах обучалось 1 млн 10 тыс. детей. Мы опросили представителей 10–11-х классов, которых в генеральной совокупности должно быть около 200 тыс. человек. Присовокупим к старшеклассникам студентов, коих в том же учебном году было 268 тыс. Помимо этого, мы опрашивали учащихся профессиональных лицеев и техникумов. Итого, таким образом, оценим общее количество учащейся молодежи в Беларуси — более полумиллиона человек. Переведем на масштаб генеральной совокупности трехпроцентный удельный вес носителей тяжелой формы суицидального синдрома в нашей выборке, получим по всей стране около 15 тыс. старшеклассников, учащихся техникумов и студентов с высоким риском самоубийства. А эта цифра, уверен, может впечатлить любого.

Что же провоцирует риск суицида? В первую очередь, психологически неблагоприятная социальная среда. Об этом свидетельствуют результаты нашего корреляционного анализа, представленные на рисунке 2. Мы проанализировали, сколько носителей суицидального синдрома среди молодых людей, по-разному оценивающих свое психологическое самочувствие в семье, в учебной группе, среди своих друзей, в родном городе или селе, в обществе в целом, а также в сетях Интернета.

Наибольшее суицидально травмирующее воздействие на подростковую психику оказывают неблагоприятные отношения в семье. Так, двое из троих (68 %) подростков, которым плохо, по их словам, в семье и во взаимоотношениях с родителями, помышляют о самоубийстве. Если же молодому человеку в семье «не всегда хорошо», то мысли о лишении себя жизни охватывают его в 43 случаях из 100. Для сравнения скажем, что в группе подростков с благоприятным семейным климатом суицидальный синдром наблюдается лишь в 14 случаях из 100, что тоже немало, однако в разы меньше, чем в психологически некомфортной семейной среде.

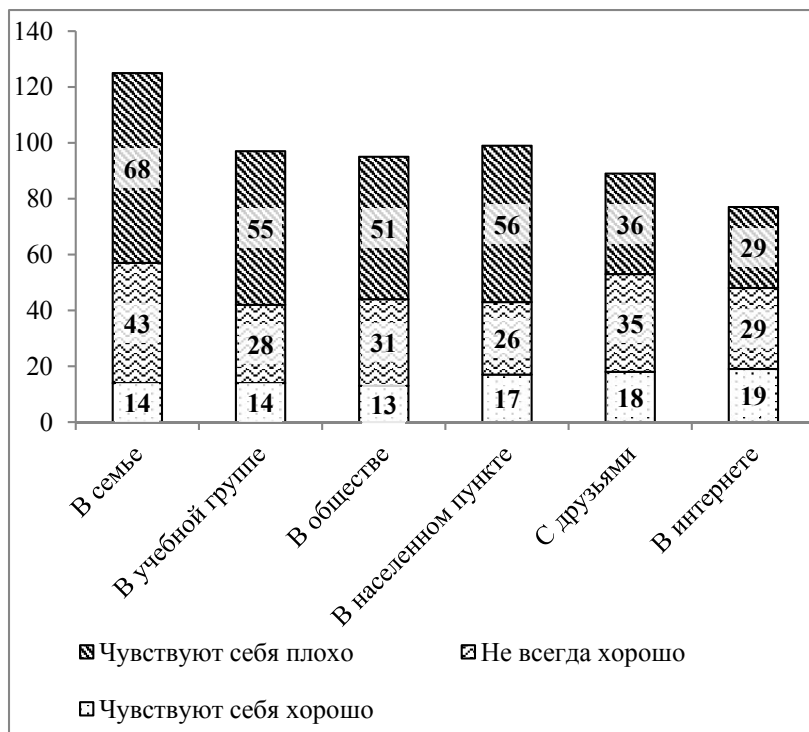

Рисунок 2 — Процент носителей суицидального синдрома (респондентов, у которых возникали мысли о самоубийстве) в зависимости от психологического самочувствия в различных социальных средах

Мыслями подходит к опасной для себя черте каждый второй подросток, которому психологически плохо в учебной группе, в родном городе или поселке, а также в стране в целом. А вот психологическое воздействие Интернета в этом смысле, если и не нейтрально, то в любом случае провоцирует мысли о самоубийстве не так сильно, как все перечисленные выше социальные среды. Плохое самочувствие молодого человека в виртуальном пространстве увеличивает риск проявления суицидального синдрома с 19 % (такова доля лиц — его носителей среди хорошо себя чувствующих в Интернете) до 29 % (процент вербальных суицидов среди тех, кому в Сети плохо). Как видим, Интернет оказывает значительно меньшее травмирующее воздействие на психику подростка по сравнению с семьей или учебной группой. Это как раз и может быть

одной из причин столь сильной притягательности Интернета для подростков, испытывающих на себе психологическое давление со стороны семьи, учебной группы или сверстников на улице.

Теперь обратимся к вопросу взаимосвязи между суицидальным синдромом молодых людей и их склонностью к так называемым вредным привычкам. В первую очередь под вредными привычками мы понимаем табакокурение и употребление спиртных напитков.

Поговорим сначала о табакокурении. Наш анонимный социологический опрос выявил следующую картину приверженности учащейся молодежи к табакокурению. Две трети (67,9 %) юношей и три четверти (75,5 %) девушек никогда не курили табак. Курят в настоящее время с различной степенью интенсивности 17,1 % юношей и около 15 % девушек. А оставшиеся 11,0 % юношей и 7,8 % девушек имеют опыт курения табака, но бросили давно или недавно. Злостными курильщиками можно считать лишь 8,8 % юношей и 6,0 % девушек, которые не считают нужным бросать курить.

На рисунке 3 можно посмотреть, есть ли корреляция между суицидальным синдромом молодых людей и их приверженностью к табакокурению. Важно учитывать все еще имеющиеся гендерные различия в табакокурении, поэтому представим данную корреляцию отдельно для юношей и для девушек.

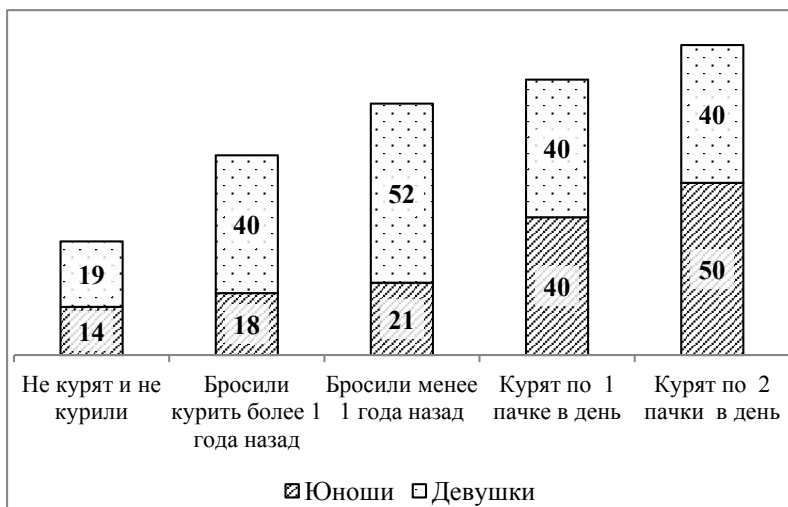

Рисунок 3 — Доля носителей суицидального синдрома среди курящих и некурящих юношей и девушек

Как видите, взаимная связь между вербальным суицидом и табакокурением весьма явная и довольно сильная. Доля суицидально ориентированных юношей и девушек стремительно возрастает по мере увеличения интенсивности их курения. Так, если среди никогда не куривших юношей и девушек доля носителей суицидального синдрома составила 14 % и 19 % соответственно, то среди заядлых курильщиков, выкуривающих по 2 и более пачек в день, о самоубийстве поговаривают уже каждый второй юноша и 40 % девушек.

Наличие мыслей о самоубийстве свидетельствует о трагической картине мира в сознании подростка, источником которой с большой долей вероятности можно предположить глубинное недовольство собой. Действительно, неудовлетворенность человека тем или иным фактором внешнего окружения вызывает, как правило, агрессию по отношению к этой внешней причине неудовлетворенности. Понимание же того, что причина проблемы в тебе самом, разворачивает острие агрессии внутрь личности, приводя к мыслям о самоубийстве. Только этим можно объяснить тот факт, что высокий уровень суицидального синдрома зафиксирован среди девушек, которые хотят, но не в состоянии бросить курить (46 % из них подумывают о самоубийстве), а также среди заядлых курильщиц (54 % вербальных самоубийц). Причина столь высокого позыва к самоуничтожению состоит, вероятно, в том, что и те, и другие хорошо знают, что курение — зло, в первую очередь, для их еще не рожденных детей, однако, не имея сил отказаться от пагубной зависимости, они бесознательно винят себя настолько остро, что готовы к суициду.

Еще одной пагубной особенностью поведения наших сограждан является употребление алкогольных напитков. Свойственно такое поведение и учащейся молодежи. В ходе нашего анонимного опроса выяснилось, что не употребляют спиртное лишь 43,5 % юношей и всего треть (32,9 %) девушек. Подчеркнем этот печальный факт: пьющих девушек в нашей стране больше, чем пьющих юношей соответствующего возраста. Хоть как-то объяснить эти разрушающие привычное представление о гендерных различиях потребления алкоголя факты можно только опережающим общим развитием девушек-тинейджеров. Но в этом мы намерены более подробно разобраться в другом исследовании. Здесь же нас интересует, прежде всего, наличие корреляции между склонностью к потреблению алкоголя, с одной стороны, и суицидальным синдромом — с другой. На рисунке 4 эта корреляция представлена в виде трех гистограмм, составленных из удельных весов носителей суицидального синдрома среди юношей и девушек, употребляющих спиртное с различной степенью интенсивности.

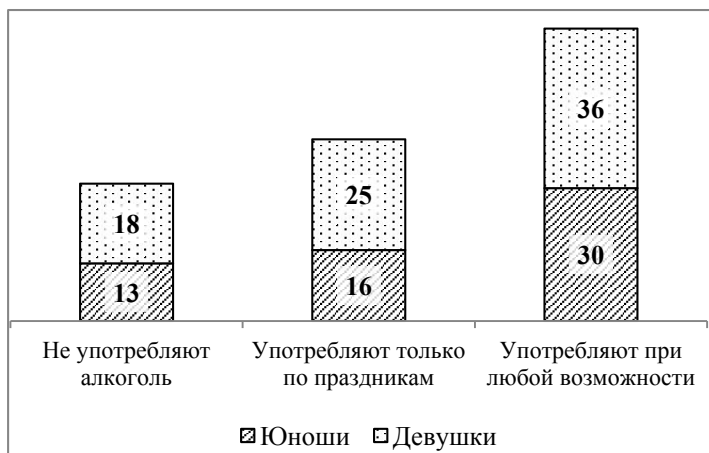

Рисунок 4 — Доля носителей суицидального синдрома среди юношей и девушек, употребляющих спиртное с различной степенью интенсивности

Использованная нами шкала интенсивности употребления алкоголя состоит из трех степеней. Первая степень — нулевая — отражает полное игнорирование алкоголя. Таких среди участников нашего опроса было 43,5 % юношей и 32,9 % девушек. Вторая степень, сформулированная нами как «употребляют только по праздникам», фиксирует фактически вынужденное участие в семейном или групповом ритуале, когда за праздничным столом принято выпивать рюмку-другую. Нужно отдавать себе отчет в том, что потребление алкоголя имеет соционормативную природу, переходя из поколения к поколению в виде своеобразных национальных обычаев. В этом случае на подростков — неофитов праздничных ритуалов оказывается сильное давление чаще всего со стороны старших товарищей или даже родственников, которые всю жизнь сами придерживались алкогольных традиций. Понятно, что таких потребителей алкоголя следует отделять от заядлых выпивох, которые склонны употреблять спиртные напитки при любой возможности. Это и есть третья — высшая ступень алкогольного пристрастия. В ходе анонимного опроса мы выявили с такой мотивацией потребления алкоголя юношей и девушек 14,4 % и 14,9 % соответственно. Если это не бравата и не эпатаж перед одноклассниками (опрос проводился в учебных группах в целях соблюдения максимальной анонимности), тогда именно из них появятся в будущем пьяницы и алкоголики.

Но вернемся к нашей главной задаче, а именно, к выяснению взаимосвязи между алкогольными привычками, с одной стороны, и суицидальным синдромом — с другой. Величина гистограмм наглядно продемонстрировала наличие такой взаимосвязи. Среди молодежи, никогда не бравшей в руки спиртное, позывы к самоубийству иногда испытывают 13 % юношей и 18 % девушек соответственно. Вынужденные потребители алкоголя, поддающиеся влиянию спиртных застолий, хотя бы иногда подумывают о самоубийстве несколько чаще (среди юношей — 16 %, среди девушек — 25 %). Но самое сильное влечение к суициду характерно для тех, кто употребляет спиртное при первой возможности: среди них каждый третий в той или иной степени думает о добровольном уходе из жизни (юноши в 30 случаях из 100, а девушки в 36 случаях из 100).

Заметим, что мы зафиксировали пока что лишь наличие корреляции между этими явлениями, оставив в стороне вопрос о том, что является причиной, а что — следствием. То ли психологический надлом молодого человека, приведший его к мыслям о самоубийстве, требует заглушить душевную боль в рюмке? А может быть, наоборот, затуманенное частым алкогольным отравлением сознание подростка заводит его в дебри самоуничтожения? Скорее всего, ответить на вопрос о причинно-следственных связях алкогольных пристрастий и суицидальных мыслей можно будет только после тщательного индивидуального консультирования у психолога или психиатра.

Самая опасная и для индивида, и для общества модель поведения человека связана с употреблением наркотиков. Разумеется, мы не могли обойти своим вниманием тему наркотиков, хотя она и не является основным предметом данного исследования. Тем более что мы ожидали увидеть тесную взаимосвязь между наркотическим опытом, имеющимся, как мы выяснили в ходе анонимного опроса, как минимум, у 3,2 % юношей и 1,6 % девушек. И мы не ошиблись, ибо связь эта оказалась довольно сильной, что можно наблюдать на рисунке 5.

Юноши и девушки, не имеющие опыта употребления наркотиков, помышляют о самоубийстве в 16 и 24 случаях из 100 соответственно, в то время как у молодых людей, имеющих такой опыт, преждевременное влечение в мир иной отмечено уже в 26 и 60 случаях из 100 соответственно. Как оказалось, особенно сильно наркотический опыт действует на более впечатлительных девушек, чем на юношей. Мы не уверены, можно ли на основании этих цифр утверждать, что даже разовый наркотический опыт девушек (мы сейчас не говорим о наркотической зависимости) способен критически повысить риск их самоубийства. Для этого,

по-видимому, потребуются специальные исследования на гораздо большем массиве данных. Однако выявленный нами факт заслуживает внимания в качестве очень вероятного варианта событий.

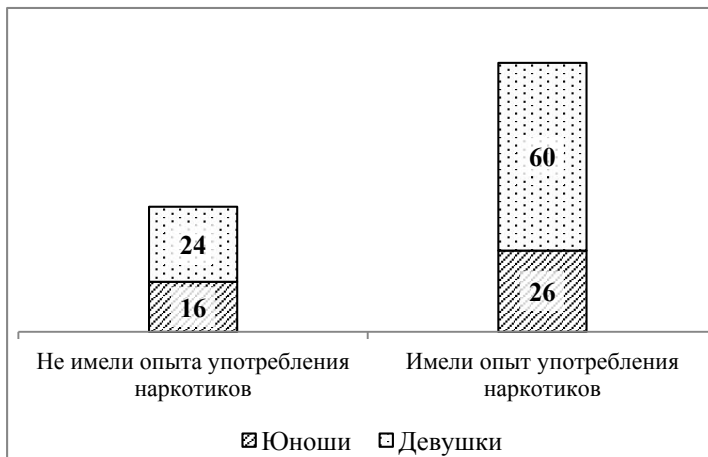

Рисунок 5 — Доля носителей суицидального синдрома среди юношей и девушек, имеющих и не имеющих опыт употребления наркотиков

Нам осталось рассмотреть связь суицидального синдрома с интернет-зависимостью. Само по себе влияние Интернета на психологическое самочувствие подростков и молодых людей по степени благоприятности уступает только влиянию друзей и товарищей. Однако, как известно, все хорошо в меру, если, конечно, не распространять эту максиму на табакокурение и наркоманию. Интернет — это полезный инструмент при решении конкретных практических и научных задач, эффективен в процессе обучения, интересен с точки зрения расширения круга общения и для развлечений. Однако чрезмерное увлечение Интернетом превращает его из блага во зло. Это мы имеем возможность наблюдать на рисунке 6, определив с помощью корреляционного анализа, насколько увеличилось количество носителей суицидального синдрома среди заядлых интернет-сидельцев. Последних мы определили с помощью специального опросника, разделив пользователей Интернета на три категории: первую категорию составили обычные пользователи, которые используют его в качестве средства решения своих повседневных задач (таких оказалось 92,9 % респондентов), во вторую категорию — «пограничных» пользователей — вошли те юноши и девушки, для здоровья которых Интернет уже

представляет угрозу (их оказалось 6,1 %), а третью категорию составили интернет-зависимые пользователи — своего рода «интернетоголики», для которых Сеть стала смыслом жизни. Тест выявил только 0,2 % интернетоголиков, но сами себя отнесли к интернет-зависимым пользователям 15,9 % участников нашего опроса. В дальнейшем мы учтем эту субъективную самооценку при анализе факторов интернет-зависимости, поскольку считаем ее важным свидетельством наличия данной проблемы. Итак, пора показать на рисунке 6, как же связаны между собой суицидальный синдром и интернет-зависимость.

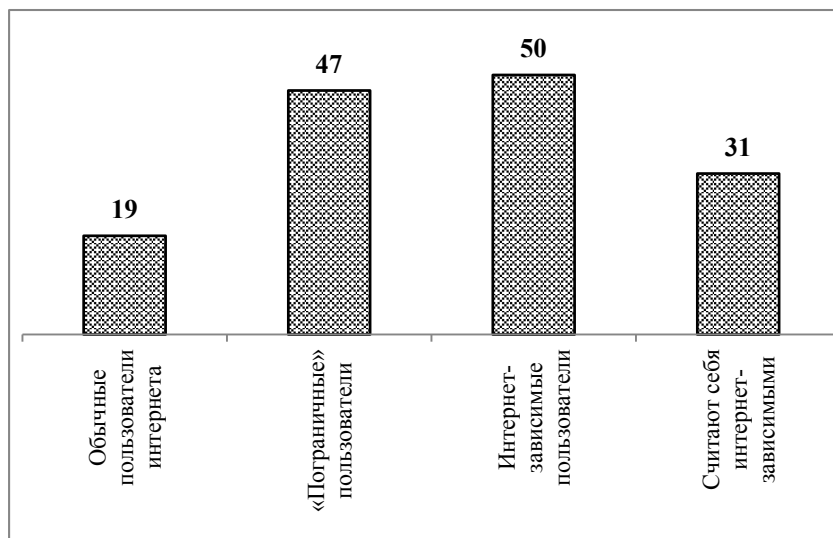

Рисунок 6 — Доля носителей суицидального синдрома среди пользователей Интернетом с различной степенью интенсивности

Да, эти две беды оказались взаимосвязанными и, вероятно, влияющими друг на друга. Статус «пограничного» пользователя Интернетом увеличивает по сравнению с обычными пользователями риск самоубийства (к счастью, лишь вербального) почти в 2,5 раза. А среди интернетоголиков подумывает о самоубийстве каждый второй. Даже среди самокритичных участников опроса, которые сами себя отнесли к интернет-зависимым (а для этого, согласитесь, надо осознавать наличие такой проблемы) о добровольном уходе из жизни помышляет почти каждый третий.

Завершая, приходится констатировать, что все вредные привычки, переросшие в зависимости, напрямую связаны с повышенным риском самоубийства. Поэтому, борясь с различного рода чрезмерными увлечениями, вредными привычками и зависимостями, общество и государство тем самым проводит жизнеспасающую политику, сохраняя жизни людей.

Список основных источников

1. Бубнов, Ю. М., Жить или не жить? (Социологический очерк молодежной суицидальности./ Ю. М. Бубнов, Н. Е. Лихачёв // Маладосць. — 1997. — № 6. — С. 45–54.
2. Бубнов, Ю. М. Суицидальный синдром у подростков / Ю. М. Бубнов // Ценностные ориентации белорусской молодежи на рубеже XXI века : материалы регион. науч.-практ. конф., 3–4 февр. 1998 г. — Могилев. — 1998. — С. 216–220.
3. Кузнецов, М. Т. Социология и психобиология самоубийства / М. Т. Кузнецов, Ю. М. Бубнов, Б. М. Гольдинберг. — Минск : Право и экономика, 2006. — 220 с.
4. Бубнов, Ю. М. Суицидальный синдром в обществе потребления. Ю. М. Бубнов // Молодежная галактика / НИИКСИ С.-Петербург. гос. ун-та. — СПб., 2007. — № 2 — С. 70–77.
5. Бубнов, Ю. М. Депривация как фактор самоубийства / Ю. М. Бубнов // Социология: традиции и современность : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма, Брест, 18–19 апр. 2008 г. / БрГУ им. А. С. Пушкина ; редкол.: Е. В. Скакун (отв. ред.) [и др.]. — Брест, 2008. — 240 с. — С. 12–15.

SUICIDAL SYNDROME OF YOUNG STUDENTS IN THE CONTEXT OF THEIR BAD HABITS

On the basis of a sociological survey of 1634 representatives of the student youth of Belarus conducted by us in 2021, the relationships between the verbal manifestations of suicidal syndrome in boys and girls studying in educational institutions of various levels and status, on the one hand, and their bad habits, on the other, were determined. A correlation has been determined between the proportion of carriers of suicidal syndrome (respondents who had thoughts of suicide), on the one hand, and the psychological well-being of young people in various social environments.